Часто мой отец приносил из книжного магазина книги и тыкал их мне под нос: нюхай. Книги пахли типографской краской, а потом уже начиналось удовольствие от чтения. По мере чтения возникали и другие запахи, звуки и цвета. Книга становилась чувственным объектом, объектом желания. Так у меня возникало физическое удовольствие не только от прочитанного текста, но и от тела самой книги. Позже возникло концептуальное желание и концептуальное удовольствие: я удалила книгу от ее постоянной медиальной функции и превратила в объект. Это было похоже на то, что сделал Пиранделло в «Шести персонажах в поисках автора», превратив автора в одного из действующих лиц.

Теперь, когда содержанием книги стало ее собственное присутствие, она была превращена в часть бесконечного интерактивного текста, в котором начала играть множество ролей (книга-текст, книга-картина или книга-партитура). После этого одна книга начала как бы перетекать в другую, то есть стала частью и фрагментом этого всеобъемлющего текста. Поэтому содержание каждой отдельной книги больше не имело значения: книга без начала и конца. А теперь, когда я говорю о содержании, я подразумеваю все: и текст и картинку и страницы, и автора, а также читателя, того кто смотрит , того, кто понимает и того, для кого эта книга совершенно закрыта.

Перефразируя Бестиарий зверей Борхеса, я сделала бы следующую классификацию:

Книги деляться на

те которые читают летом,

те, в которых только одна строка,

те, которые напоминают о событиях,

те, которыми подпирают стол,

те, которые только что написал,

те, которые ночью лежат в лунном свете,

те которые хочется потрогать,

те, которые никогда не раскроют,

те, которые воруют в магазинах,

те, которые принадлежат студентам,

те, которые еще не написанны

и

те, которые переписывают от руки.

Список можно продолжить и переплести. Так рождается книга.